

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21 – 23 июня 2012

В авангарде инноваций

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА: ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

ИНДУСТРИИ КОНТЕНТА

Панельная дискуссия

22 июня 2012 — 16:45 – 18:00, Павильон 8, Зал 8.3

Санкт-Петербург, Россия

2012

При поддержке TELE2 Россия

Модератор:

Лайам Халлиган, Ведущий экономист, Prosperity Capital Management;
обозреватель, The Telegraph

Выступающие:

Стив Кроссан, Директор, Институт культуры Google

Матс Гранрид, Президент, главный исполнительный директор, Tele2

Сьюзен Хазан, Куратор, Музей Израиля

Владимир Мединский, Министр культуры Российской Федерации

Олег Новиков, Генеральный директор, «Эксмо»

Мануэль Куэзон III, Заместитель министра, Комиссия по коммуникациям при президенте Филиппин (PCDSPO)

Олаф ван Виндон, Генеральный директор, Художественный медиа-институт Нидерландов; генеральный директор, Today'sArt

Майк Яо, Адъюнкт-профессор кафедры средств массовой информации и коммуникации, Городской университет Гонконга

Участники дискуссии:

Владимир Чопов, Первый заместитель генерального директора, ОАО «ТНТ-Телесеть»

Игорь Дроздов, Вице-президент, директор по правовым вопросам, Фонд «Сколково»

Дмитрий Коннов, Генеральный директор, Universal Music Russia

Софья Троценко, Руководитель, Центр современного искусства «ВИНЗАВОД»

Л. Халлиган:

Дамы и господа, благодарю всех, кто пришел на это мероприятие. День подходит к концу, и я полагаю, что все отдали должное приготовленным для нас еде и напиткам. Я попросил заседавшую перед нами группу экспертов подробно обсудить все вопросы повестки дня и хочу призвать вас последовать их примеру. Меня зовут Лайам Халлиган. Я веду колонку в известной вам газете — британской The Telegraph, но сейчас живу за пределами Великобритании, в России. Большую часть недели я выступаю в роли инвестора, веду дела на территории России через свою управляющую компанию, которая называется Prosperity Capital Management.

Следует заметить, что Интернет обеспечивает беспрецедентные возможности доступа к информации, способствующие демократизации общества. Всем известно, что Всемирная паутина с дешевым или даже бесплатным доступом является мощным образовательным инструментом, средством обмена знаниями и распространения культур разных народов. Корпорация Google организовала нашу встречу совместно с Tele2, чтобы дать нам возможность обсудить широкие возможности Интернета как средства обмена информацией и формирования мнений, а также его роль как катализатора действий и хранилища информации. Практически любой человек, владеющий основами грамотности и имеющий простейшее необходимое оборудование, теперь может влиять на окружающий мир, и это влияние будет простирается далеко за пределы его местожительства и маршрутов передвижения. Однако, даже с учетом этого обстоятельства, к Интернету подключены только два миллиарда человек из всего населения Земли, которое составляет примерно семь миллиардов.

Интернет способен служить катализатором инноваций, средством обучения и механизмом реализации различных культурных и политических мероприятий. Итак, какое же влияние оказывает на культуру и науку этот постоянно растущий массив информации, доступный для любого, кто пару раз щелкнет

кнопкой мыши, и открытый для всех желающих его пополнить? Какие дилеммы он ставит перед нами?

С удовольствием представляю вам экспертов, участвующих в нашей сегодняшней дискуссии. Я многое узнал за последние 24 часа общения с ними и пребывания в их кругу даже в роли слушателя. Сейчас я попрошу каждого из экспертов представиться и рассказать нам о сфере своей деятельности, а затем мы откроем дискуссию. Пожалуйста, не больше двух минут на выступление каждого человека, я прошу четко соблюдать регламент. Призываю слушателей как можно активнее участвовать в беседе. Поднимайте руки, и мы дадим вам возможность высказаться.

Дамы и господа, первым я хочу представить вам Стива Кроссана, который возглавляет проект Google Cultural Institute. Стив, пожалуйста, продолжайте.

С. Кроссан:

Большое спасибо, Лайам, и спасибо всем, кто пришел на эту встречу. Если говорить кратко, мы создали Google Cultural Institute всего лишь год назад. Он располагается в Париже и представляет собой группу инженеров, которые решают задачу использования ведущих достижений высоких технологий в сфере услуг и культуры. За год, прошедший с момента создания группы, мы смогли эффективно реализовать множество пилотных проектов, наиболее значимым из которых является Google Art Project, реализуемый в партнерстве со 155 музеями по всему миру (в дальнейшем их количество увеличится), целью которого является публикация материалов в Интернете в высоком разрешении. Это позволит нам создать виртуальные музеи и, что самое важное, даст возможность предоставить массу контекстной справочной информации и образовательных материалов об экспонатах этих музеев. Среди наших партнеров по реализации проекта — Музей Израиля в Иерусалиме, который здесь представляет Сьюзен Хазан. Хочу отметить, что одним из первых наших партнеров был Эрмитаж, и нам повезло найти в России пять партнеров по реализации этого проекта.

Эти проекты позволили нам узнать много нового. Особенно ценным для нас оказалось понимание того, что для успешной реализации проекта необходимо сочетать опыт различных специалистов культурной сферы: музейных хранителей, историков, критиков и писателей. Для этого требуется не просто выкладывать материалы в Интернет, но выкладывать их в нужном контексте и с необходимыми пояснениями. Мы видим нашу миссию в том, чтобы разрабатывать инструменты для этого сектора, благодаря которым культурное сообщество сможет создавать интересные виртуальные выставки и привлекать широкую аудиторию, причем без получения специальных технических знаний или создания соответствующих подразделений в своих организациях. Мы сейчас занимаемся именно этим.

Л. Халлиган:

Спасибо, Стив. Следом за Стивом выступает Матс Гранрид, президент и генеральный директор Tele2. Матс, пожалуйста, Вам слово.

М. Гранрид:

Спасибо, Лайам. Для меня это большая честь, я чувствую себя немного лишним среди столь значимых культурных деятелей. Я представляю компанию Tele2, оператора сотовой связи. Мы присутствуем на рынках 11 стран Северной, Центральной и Восточной Европы, а также делаем масштабные инвестиции в экономику России. Наша компания присутствует на российском рынке уже более десяти лет, мы намерены работать на нем и впредь. Я думаю, что не имею никакого отношения к культуре, но все же играю в ней ключевую роль. Позже я объясню, что имею в виду.

Л. Халлиган:

Спасибо, Матс. Следом за Матсом я предоставляю слово Сьюзен Хазан из Музея Израиля, где она работает хранителем. Сьюзен, пожалуйста.

С. Хазан:

Я очень рада присутствовать на этом заседании. Благодарю Вас за приглашение. Мы реализуем интересную программу оцифровки экспонатов нашего музея, который является одним из крупнейших энциклопедических музеев мира. В нашем распоряжении находятся 500 тысяч единиц хранения, и мы прилагаем все возможные усилия к тому, чтобы опубликовать нашу коллекцию в Интернете. Как сказал Стив, за последние несколько месяцев мы реализовали в партнерстве с Google два невероятных проекта. Первый из них — Google Art Project, в который мы вошли наряду с еще 155 музеями, что очень отрадно. Вероятно, более интересным вам покажется проект, связанный со свитками Мертвого моря. Эти свитки представляют собой важнейшее археологическое наследие Государства Израиль. Мы разместили в Интернете пять свитков Мертвого моря, представленных в очень высоком разрешении, включая полную версию всего манускрипта Исайи, текст которого крайне важен для множества людей во всем мире.

Мы не могли оценить вероятный успех этого проекта перед запуском, но надеялись, что он станет популярным. В течение первых четырех дней работы нашего веб-сайта на нем побывал один миллион уникальных посетителей. Мы очень довольны реализацией этого проекта. Мне задают вопрос о планах развития музея после размещения его веб-сайта в Интернете: «Если вы выложите все материалы в Интернет, будут ли посетители приходить к вам?» Это старый спор, и мы смогли положить ему конец. Мы верим в эффективность маркетинга нашего музея с помощью Интернета, в полезность обмена образовательными ресурсами через Интернет, и поэтому привлекаем большое число специалистов, включая сотрудников Google, чтобы люди всех стран мира смогли воспользоваться тем, что имеется в нашем распоряжении.

Л. Халлиган:

Замечательно. Спасибо большое. Следом за Сьюзен выступает Олег Новиков, генеральный директор «Эксмо». Безусловно, «Эксмо» — одно из крупнейших в

мире издательств, выпускающих книги на русском языке. Олег, пожалуйста, Ваша очередь.

О. Новиков:

Разрешите мне в Санкт-Петербурге говорить по-русски. Я представляю книжную индустрию, которая долгие годы хотя и считалась частью медиа-индустрии, но была довольно консервативной. И книга, как продукт, созданный в Средние века, практически не менялась. Мы с этим уже смирились. И вот в течение последних четырех лет книга оказалась на передовом рубеже технического прогресса. Ведущие мировые технологические компании — Apple, Google — хотят распространять книжную продукцию. Это не может не радовать, потому что позволяет поставить Интернет на службу чтению, сделать книгу доступнее. У нас, издателей, появляются новые возможности — особенно в России, где в последние годы обострилась давняя проблема с книжными магазинами — доносить книгу до читателей, информировать их о выходе новинок. Эти возможности являются серьезным вызовом, и хотелось бы их реализовать.

Л. Халлиган:

Справа от меня и слева от вас, дамы и господа, сидит Мануэль Куэзон, исполняющий обязанности министра связи, а в скором времени, я уверен, он станет и министром Республики Филиппины. Меня крайне поразило то, насколько широко правительство Филиппин использует Интернет для оптимизации государственного управления. Мануэль, пожалуйста, Вам слово.

М. Куэзон:

Благодарю. Поскольку мое время ограничено, я хочу обратиться к актуальному вопросу современной жизни Филиппин, поговорить об уровне доверия. Наше общество отличается низким уровнем доверия, при котором граждане не обладают полной информации обо всех действующих законах,

что не позволяет полноценно утвердить власть закона. Люди не представляют себе, на каком основании принимаются те или иные политические решения, и даже не знают, каким образом выносятся эти решения. Наша программа предусматривает размещение в Интернете законов и подзаконных актов за период, превышающий сто лет. Это требует решения двух проблем. Во-первых, оказывается, что в стране отсутствует полный перечень законодательных актов и мест их хранения. Во-вторых, размещение любых материалов в Интернете вредит более трудоемкому процессу каталогизации уже существующих документов.

Эти проблемы можно решить, исходя из понимания того, что институциональная память служит конкурентным преимуществом в период больших перемен. Я имею в виду, что подобной памятью можно пользоваться иначе, чем это традиционно делали правительственные чиновники, считавшие более полное знание законов своим конкурентным преимуществом. Вместо этого мы используем подход, который сулит преимущества всякому, кто участвует в пополнении институциональной копилки знаний.

Как же следует рекламировать этот массив информации и обеспечивать к нему доступ? Во-первых, необходимо реагировать на потребности рынков, где вы работаете. Эти рынки безжалостны, но их участники ясно дают понять, чего хотят. Например, если обществу интересно знать график праздничных мероприятий или прогноз погоды, необходимо предоставить эту информацию быстрее и точнее, чем это сделают ваши конкуренты в медийном пространстве. Тогда общество станет больше доверять СМИ, будет проще налаживать сотрудничество, а также распространять информацию, которая позволит людям предпринимать конкретные шаги.

Второе соображение касается политики правительства, для которого это, безусловно, всегда проблема, а также путей законного обоснования такой политики. Очень важно правильно подбирать пресс-секретарей, чтобы разъяснять представителям СМИ сущность текущих вопросов или споров, поскольку последним всегда приходится работать в условиях жестких

временных ограничений. Нам кажется, что для этой цели можно использовать инновационные методы, например, видеозаписи или инфографику.

И последнее: для решения этой задачи нужно восстановить утраченное доверие и наилучшие из разработанных методов. И вот тут-то мы обращаемся к помощи программного обеспечения с открытым кодом. Я могу привести много примеров реализации в развивающихся странах ИТ-проектов, которые приносят прибыль государственным чиновникам, вместо того чтобы служить обществу. Необходимо выбирать только надежных партнеров. Например, мы пользовались некоторыми технологиями Google, что позволило нам обеспечить экономическую эффективность проекта и донести нашу информацию до людей.

Л. Халлиган:

Благодарю Вас, господин исполняющий обязанности министра. Следующий на очереди — господин Олаф ван Виндон из Нидерландов, генеральный директор Нидерландского института медиаискусства. Олаф, пожалуйста.

О. ван Виндон:

Интернет очень интересен для меня с профессиональной точки зрения. Нидерландский институт медиаискусства хранит большое собрание произведений медийного и процессуального искусства, а также предоставляет к нему доступ через Интернет. Однако мне представляется, что в персональной сфере происходят даже более существенные события. В 1969 году люди впервые смогли произвести обмен данными между двумя компьютерами. В 1971 году было отправлено первое электронное письмо. В 1989 году Тим Бернерс-Ли изобрел Всемирную паутину. Это произошло 23 года назад, то есть совсем недавно. Сегодня Интернет близок нам настолько, что жизнь без него невозможно себе представить. Одна из крупных компаний под названием Google стремится структурировать информацию и предоставить к ней доступ; также эта компания известна своим часто

цитируемым девизом «Не будь злым». Половину моей жизни у меня был компьютер, и сейчас на глазах у нас сформировалось поколение, которое выросло с компьютером в руках, — поколение, которое научается обращаться с iPad раньше, чем прочитывает первую книгу. Здесь уместно коснуться обширной темы, связанной со свободой информации. Правительства различных стран боятся Джулиана Ассанжа, который лично мне кажется дружелюбным парнем. Пришло время поразмыслить над этим. Творческий мир, креативная индустрия, в которой я работаю, сможет дать ответы на некоторые из этих вопросов.

Л. Халлиган:

Спасибо большое, Олаф. Следующим выступает Майк Яо, который приехал к нам из Городского университета Гонконга. Это его первый визит в Россию.

М. Яо:

Спасибо, Лайам. Я рад, что оказался здесь. Для меня, как для человека, сидящего в своеобразной башне из слоновой кости, это редкая возможность выйти наружу и пообщаться с реальным миром. Я довольно молод, но большую часть того времени, в течение которого я учился, а затем занимался исследовательской деятельностью, я провел в размышлениях над тем, как медийные технологии влияют на нашу жизнь, поведение и общество. Я осуществил большую исследовательскую работу, изучая поведение людей в виртуальной среде, способы их взаимодействия с высокими технологиями и приемы защиты от нарушения личного пространства; я искал ответ на вопрос о том, почему одни поведенческие типы приживаются в виртуальной среде, а другие нет; также я оценивал влияние личностного фактора на способы нашего взаимодействия в этой среде.

Я отношу себя к медийным психологам; в то же время, как личность я принадлежу к новому поколению обществоведов и исследователей СМИ, выросших в окружении подобных технологии. Я играю в видеоигры, сколько

себя помню, являюсь завзятым пользователем Интернета и не отстаю от модных трендов. Наше исследование заставило нас рассмотреть эту проблему под другим углом, а также задуматься о том, как новые технологии меняют общество в его политическом, экономическом и поведенческом аспектах. В то же время, меня как пользователя приводят в полное изумление новые разработки, я начинаю задумываться о философских вопросах взаимодействия культуры, носителей информации и человека.

Л. Халлиган:

Спасибо, Майк. Следующий — Игорь Дроздов. Во многих аспектах «Сколково» является одним из проектов, определяющих будущее России и потенциал развития отрасли ИТ в этой стране. Игорь — один из вице-президентов и директор по правовым вопросам фонда «Сколково». Игорь, пожалуйста, Вам слово.

И. Дроздов:

Я тоже позволю себе говорить в России по-русски. Я представляю инновационный центр «Сколково», о котором российские слушатели прекрасно знают. Конечно же, мы не представляем инноваций без Интернета, который и сам является инновацией. Мы ценим в нем возможность доступа к информации, доступа к знаниям. А знания, как сегодня уже говорилось, это важное конкурентное преимущество, которое позволяет продуцировать новые знания и стимулировать инновации.

Мы видим несколько вызовов в связи появлением Интернета и большого количества информации в сети. Первое — это проблема нахождения баланса между интересами общества и интересами обладателей информацией. Доступ к информации часто ограничивается существующим законодательством об интеллектуальной собственности. Вторая проблема, о которой кто-то сегодня уже говорил, — это соотношение между доступом к информации и защитой персональных данных. Мне кажется, это очень

серьезная проблема, поскольку, например, информация о предпочтениях посетителей Интернета, которая сегодня собирается и анализируется, может быть использована в их интересах — для предоставления им целевых продуктов и услуг. Но одновременно это и вторжение в частную жизнь. Поэтому мне кажется, что появление Интернета заставит переосмыслить наше отношение и к интеллектуальной собственности, и к защите персональных данных. Здесь необходимо подумать о нахождении нового баланса, отличного от существовавшего раньше и существующего до сих пор.

Л. Халлиган:

Благодарю Вас. Здесь также присутствуют наши почетные участники: София Троценко, моя соседка в Москве, исполнительный директор центра современного искусства «Винзавод», который всем стоит посетить; рядом с Софией сидит Дмитрий Коннов, генеральный директор российского подразделения Universal Music.

С темой нашей сегодняшней дискуссии связано множество вопросов. Существует определенная напряженность в юридическом поле, связанная с правами интеллектуальной собственности, с инновациями и конфиденциальностью, с влиянием свободного доступа к информации на коммерческую деятельность, с монетизацией, демонетизацией и оцифровкой свитков Мертвого моря. Удивительно, но нашу встречу можно было бы целиком посвятить одной лишь этой теме. С точки зрения Запада, в центре этих вопросов стоит Google. Разумеется, в России все иначе.

Как уже сказал Олаф, сотрудники Google разрабатывают способы упорядочивания информации. Стив, расскажите нам, как получилось, что Google создал Google Cultural Institute и в его рамках приступил к реализации проекта Google Art Project. Почему корпорация Google приняла такие решения?

С. Кроссан:

Проект Google Art Project, как и многие другие проекты Google, начался с деятельности одного сотрудника. История не сохранила для нас сведений о том, сидел ли он тогда в кресле-бинбеге. Сотрудники Google имеют право посвящать собственным проектам 20% своего рабочего времени, и этот проект в сфере искусств зародился в виде любительской работы одной из сотрудниц Google из Мадридского офиса. Ее зовут Клара Ривера. Она задумала этот проект исключительно для музея Прадо. Проект был завершен и запущен в 2010 году ее усилиями и усилиями коллег, которых она убедила подключиться к реализации задуманного. С тех пор проект некоторое время развивался по нарастающей, и сейчас в нем участвуют 155 музеев. Он финансируется Google.

Этот проект стал одним из предшественников Google Cultural Institute. Мы пришли к пониманию того, что в среде, формируемой Google, существует довольно много подобных проектов. Как правило, они реализуются силами инженеров или сотрудников отдела маркетинга, которые равнодушны к тому или иному культурному учреждению или пространству, и мы попытались поддержать эти инициативы с помощью технологий Google. Мы решили юридически оформить этот проект надлежащим образом и сделать необходимые инвестиции. В настоящее время над ним трудятся 25 штатных инженеров из Парижского офиса. Мы приняли решение о долгосрочных инвестициях в этот проект.

Л. Халлиган:

Сьюзен, что эта инициатива Google значит лично для Вас и для той работы, которую Вы попытались выполнить совместно с Музеем Израиля? В каких аспектах она позволила Вам расширить масштаб своей деятельности, чтобы предоставить доступ к информации более широкому кругу людей в Израиле, еврейской диаспоре и гражданам всего мира?

С. Хазан:

Все произошло довольно быстро. Наш первый проект, посвященный свиткам Мертвого моря, стартовал в сентябре. Проект Google Art Project был запущен в апреле, а примерно месяц назад сервис Google Street View начал работать для Иерусалима. Это означает, что теперь всякий может открыть раздел Иерусалима на страницах проекта Google Street View и совершить экскурсию по старому городу, поглядеть на его архитектуру, попасть в Музей Израиля, пройти сквозь прозрачную дверь, не покупая билета, погулять по всему музею, полюбоваться коллекциями, а также взглянуть на свитки Мертвого моря, если у посетителя возникнет такое желание. Это просто невероятно. Больше похоже на научную фантастику, но существует наяву. Музейные коллекции теперь полностью прозрачны и доступны для посетителей. Вам нужен только компьютер и канал доступа в Интернет — и весь мир готов лечь к вашим ногам. Мы очень довольны результатами проекта. Все было осуществлено настолько быстро, что мы не успели опомниться и оценить объем проделанной работы.

Л. Халлиган:

Сейчас я задам вопрос Олафу, а затем переадресую его же Матсу. Что Вы думаете о проекте Google Cultural Institute? Считаете ли Вы его деятельность безусловно полезной для всего мира, или же Вам кажется, что отчасти это элемент корпоративного пиара, если так можно выразиться? Возможно, справедливы оба утверждения?

О. ван Виндон:

Полагаю, что компания поступила разумно, войдя в мир искусства, поскольку искусство является частью нашего культурного наследия. Google пытается упорядочить всю информацию в мире и обеспечить к ней доступ, поэтому этой компании необходимо уделять внимание в том числе и искусству. Искусство — часть нашей истории, часть нашего культурного наследия. Это оправданное направление деятельности. Мы должны радоваться, что Google занимается

этим. Я уже упоминал о девизе «Не будь злым», и считаю, что деятельность Google несет благо, поскольку позволяет нам ориентироваться в Интернете и получать необходимую информацию.

Одноименная поисковая система дала нам новые способы решения рабочих задач и изменила облик множества отраслей. Например, рассмотрим музыкальную индустрию: в Интернете ее развитием занимается не только Google, но также корпорация Apple, разработавшая сервис iTunes. Это привело к изменению индустрии в целом. Финансовая сторона вопроса демонстрирует, что раньше исполнители зарабатывали деньги на продаже альбомов и ездили в концертные туры, чтобы их рекламировать. Теперь же исполнители зарабатывают на турах и выпускают альбомы в качестве их рекламы.

Возвращаясь к вашему вопросу, я хочу выразить свое согласие и заявить, что движение в этом направлении вполне оправданно.

Л. Халлиган:

Матс, а как Вы относитесь к этому? Вы уже давно работаете в телекоммуникационной отрасли. В ней многое поменялось.

М. Гранрид:

Вы абсолютно правы, мне очень интересно слушать рассказы об этих изменениях. На нашей встрече мы говорим о культуре: теперь у людей есть возможность совершить виртуальную экскурсию по улицам Тель-Авива и посмотреть на свитки Мертвого моря. Как сказал Олаф, если мы оглянемся назад, то увидим, что совсем недавно у нас не было этой возможности.

Давайте посмотрим, какой путь прошли телекоммуникационные операторы — не только Tele2, но и вся отрасль. В 2001 году наша компания решила уйти от предоставления услуг проводной связи, чтобы развивать бизнес в сфере мобильной связи. В этой сфере реализован несколько иной принцип: мы всегда звоним человеку напрямую, соединяясь с устройством, которое

находится у него в кармане. Наша компания стала активно внедрять мобильные технологии. Это происходило в контексте первой революции в нашей отрасли, которая произошла около десяти лет назад. Затем, примерно шесть или семь лет назад, мир перестал ставить во главу угла передачу голоса, тема передачи данных стала ведущей, что явилось второй революцией. Поворотной точкой стал период 2008—2009 годов, когда количество мобильных подключений к Интернету превысило количество проводных. Теперь вам не требуется использовать ПК для работы в Интернете, достаточно смартфона. В настоящее время моя отрасль предоставляет не только доступ к контенту, но и множество других услуг. На первый взгляд, это утверждение кажется тривиальным, но за ним стоит масса сложных вопросов.

Мы присутствуем на половине территории России, в 43 регионах. Мы также присутствуем во многих других странах и считаем, что принятие мер по устранению цифрового неравенства имеет жизненно важное значение для общества. Нельзя сказать, что доступ к Интернету есть у каждого: кроме телефона, необходимо иметь и соответствующую инфраструктуру связи. Также у пользователя должна быть возможность платить за оказанные ему услуги, а нам нужен механизм взимания этой платы, чтобы мы могли строить нашу сеть. Первым аспектом является доступность, а вторым — зона покрытия. Нужно, чтобы я мог воспользоваться мобильным телефоном в любой точке мира. Это первые два важных аспекта. Третьим аспектом являются знания: люди должны уметь пользоваться своими мобильными устройствами. Как Вы справедливо заметили, к Интернету подключены почти два миллиарда пользователей из семи или восьми миллиардов человек, населяющих нашу планету.

Л. Халлиган:

Следует ли это включить в школьную программу?

М. Гранрид:

Подобная тема все чаще встречается в учебных планах. Я абсолютно с Вами согласен и думаю, что нам нужно двигаться по этому пути. Исследования показывают, что взамен одного рабочего места, которое стало ненужным благодаря Интернету, создается 2,6 рабочих мест. Изобретение Всемирной паутины и возникновение взгляда на культуру как на контент лично я считаю совершенно невероятными событиями. Эта тема должна стать неотъемлемой частью нашей образовательной системы.

Л. Халлиган:

Вижу, что Олаф стремится вернуться в дискуссию, но мне хочется возобновить разговор с Майком Яо. У меня складывается впечатление, что всякий раз, съездив в Азию, я открываю для себя очередной новый гаджет, который через полгода или год окажется в России или в Лондоне. Майк, насколько широко эти вопросы обсуждаются жителями стран Азии? Или Вы до того глубоко погрузились в разработку новейших игр и программ, что не отвлекаетесь ни на секунду?

М. Яо:

Наверное, мое мнение окажется не вполне беспристрастным, ведь я живу в Гонконге, — городе, жители которого одержимы погоней за новыми технологиями. Именно в Гонконге разрабатываются передовые технологии, а люди выстраиваются в очереди, чтобы приобрести новые устройства, созданные на их основе.

В ходе своих наблюдений и исследований я обнаружил, что азиаты, в частности китайцы, хорошо осведомлены о многообразии текущих изменений, о меняющих общество технологиях, поэтому такие изменения обсуждаются повседневно. Это — одна из составляющих сферы потребления, и склонность людей приобретать подобные товары является фактором развития значительной части экономики. Однако с этим связаны уникальные проблемы

и трудные задачи, затрагивающие традиционные представления людей о государстве и гражданском обществе, поэтому есть масса интересных вопросов, касающихся именно стран Азии. Думаю, в Азии очень интересно сейчас бывать и наблюдать влияние высоких технологий на жизнь.

Возвращаясь к такому интересному проекту, как Google Art Project, хочу сказать следующее. Я полагаю, что мы стоим на пороге новой эры, начало которой было положено после 20 лет усилий по упорядочиванию информации, доступной пользователям. Сегодня, как указывает появление этого проекта в сфере искусств, а также прочих культурных проектов, мы вступаем в фазу создания впечатлений, уходя от простого предоставления пользователям информации и документов для чтения. Сможем ли мы создать сервисы на основе гуманистического подхода к высоким технологиям? Получится ли у нас создать технологию, которая позволит пользователю насладиться трансляцией концерта в такой мере, как если бы он присутствовал на стадионе в ходе живого выступления? Будем ли мы слушать музыку иначе, чем раньше? Сможет ли виртуальный музей или галерея искусств предложить нам нечто большее, чем просто собрание картинок, хранящееся на жестком диске компьютера? Чтобы этого добиться, нужно привнести что-то новое. Нам следует хорошо поразмыслить о сущности взаимодействия пользователей с вычислительными устройствами, а также о возможностях технологической поддержки этого взаимодействия: не просто предоставления информации, а создания впечатлений. В этом и заключается стоящая перед нами задача.

Л. Халлиган:

Мне известно, что значительная часть ваших исследований посвящена общению между пользователями, которые задействуют аватары. Насколько далеко мы можем зайти в развитии этой технологии? Насколько реальным будет подобное взаимодействие?

М. Яо:

Можно выдвигать любые догадки. Полагаю, с 2000 года эта технология получила большое развитие. Многие средства создания виртуальной реальности требовали применения различного оборудования и программного обеспечения, но при современных технологиях нужна лишь обычная видеокамера над телевизором, с помощью которой мы сможем получать определенные впечатления. Это не обязательно будет виртуальная реальность, какой ее рисует научная фантастика. Однако достигаемая степень погружения весьма велика, что позволяет работать в новой, ранее не доступной человеку среде. Технология уже создана, но ее распространение зависит от результатов работы с пользователями и от того, каким будет точный ответ на вопрос: «Чего на самом деле хотят люди?» Может ли киберпространство предложить нам нечто большее, чем архив информации о реальном мире? Здесь может развернуться очень интересный диалог.

Л. Халлиган:

Стив, какова значимость этого проекта для Google? Выделяет ли компания сколь-нибудь значимую долю прибыли на его реализацию? Станет ли этот проект постоянно действующим? Насколько серьезно к нему относятся в самой компании?

С. Кроссан:

Безусловно, это долгосрочный проект, который станет частью нашей текущей работы. Одна из причин состоит в том, что мы только начали открывать для себя границы возможного: в этом отношении Майк абсолютно прав. Мы лишь начали открывать для себя возможности исследований и совместного создания материалов в Интернете. Интернет — это не просто средство централизованной публикации и распространения материалов. Его подлинная сила — в том, что он предоставляет людям контекст и возможности для общения в этом контексте. Нам предстоит еще много поработать над

улучшением возможностей взаимодействия, поэтому данный проект является долгосрочным.

Относительно вопроса о значимости этого проекта для компании, а также относительно высказанного ранее замечания, что он может быть просто пиар-ходом, я могу сказать, что некий элемент корпоративного пиара здесь, несомненно, присутствует. Одной из причин, побудивших нас инвестировать в этот проект, является стремление продемонстрировать преимущества высоких технологий для культурного сектора и привести доказательства правильности следующей концепции: даже такие организации, как наши партнеры, могут воспользоваться громадными преимуществами внедрения цифровых технологий. Конечно, реализация этого проекта позитивно влияет и на имидж компании. Итак, мы — полноценная рабочая группа Google, состоящая из инженеров, которые долгое время работали на эту компанию и реализовали множество проектов, и мы совершенно точно намереваемся продолжить работу в долгосрочной перспективе.

Л. Халлиган:

Олег, я хочу, чтобы Вы вступили в дискуссию. Вы совершенно искренне говорили о существовании консервативных сил, сопротивляющихся изменениям, которые Интернет привносит в Вашу отрасль. Каков взгляд на электронные книги, бытующий ныне в традиционной отрасли книгоиздательства? Позволяет ли предоставление доступа к выпускаемым Вами книгам и их монетизация поддерживать Ваше предприятие на плаву? Не придем ли мы к той ситуации, когда бумажные книги перестанут выпускаться? Мне очень хочется получить ответы на эти вопросы. Ведь мне нравятся книги — обычные книги.

О. Новиков:

Хотелось бы надеяться, что это удастся. Если посмотреть на западный опыт, в первую очередь, на опыт Соединенных Штатов, то сегодня уже до 20%

выручки издатели получают именно за счет онлайн-продаж цифровых книг. Это серьезная возможность увеличения и доступности книги, и монетизации литературы. Есть возможность развивать и другие модели, помимо продаж электронных книг. На Западе есть опыт подписки на электронные книги. Я надеюсь, что в этом году мы тоже сможем предложить нашему читателю хорошую подписную модель. Нас призывают активно использовать рекламу в конкуренции с пиратами. Но рекламная модель продаж с книгами пока что не работала, да и вряд ли будет работать — мы этот вопрос изучали.

Очень важно найти баланс между доступностью чтения, знаний в Интернете и защитой создателей этих знаний, их интеллектуальной собственности от прямого воровства. Если мы разрушим институт, который создает знания, если создатели знаний не будут зарабатывать, то интерес создавать что-то новое со временем пропадет. Одного энтузиазма вряд ли хватит. На Западе этот вопрос практически уже решен, хотя нюансы и остаются. В России же проблема стоит достаточно серьезно. Хотя мы видим, что ситуация меняется. Телекоммуникационные компании раньше пытались зарабатывать на трафике и были некоторой альтернативой правообладателю, а сегодня они понимают, что больше можно зарабатывать именно легальной дистрибуцией контента, и становятся нашими союзниками. В целом я с оптимизмом смотрю на возможности для издателей, поскольку помимо книг появляются мультимедийные приложения, обучающие приложения и другие новые формы, что позволяет расширить рамки отрасли.

Л. Халлиган:

Поскольку мы заговорили о теме монетизации, я хотел бы попросить Софию и Дмитрия присоединиться к нам. После обсуждения этого вопроса я хочу перейти к обсуждению проблем личной информации и прав на интеллектуальную собственность, которые, как мне кажется, лежат в основе многих проблем. Здесь есть и политический аспект: мы уже затрагивали тему Джулиана Ассанжа. Среди экспертов присутствует исполняющий обязанности

министра. Полезен ли Интернет для политиков? Или он для них бесполезен? Возможно, справедливы оба утверждения? Также важен вопрос о том, каково место России в этом процессе. Существует очень много вопросов, в решении которых нам нужно продвинуться.

София, когда Вы слушали рассказ Сьюзен о людях из всех стран мира, которые могут войти в музей сквозь закрытую дверь и рассматривать экспонаты, не заплатив за вход, — какие мысли возникли у Вас по этому поводу? Музей не монетизирует этот сервис. Любой житель Нью-Йорка сможет вечером заглянуть в музей в Иерусалиме, и Вам даже не придется зажигать свет в залах, а новоявленному посетителю не удастся намусорить. Вы сами являетесь хранительницей и заинтересованы в распространении искусства. Не пугает ли Вас подход, не обусловленный необходимостью монетизировать искусство и контент? Ведь может случиться так, что художники, создатели контента и даже журналисты не смогут зарабатывать себе на жизнь.

С. Троценко:

Спасибо за вопрос. Мне кажется, что для традиционных музеев важно расширение доступа к культурному наследию, как можно более широкое распространение информации о своих фондах. Мы знаем, что не каждый объект можно вывезти, что у большого количества людей нет возможности путешествовать и знакомиться с произведениями искусства. Современное искусство, с которым мы работаем, изначально ищет новые формы высказывания и представления себя. Интернет, конечно, дает огромные возможности для этого и с точки зрения расширения аудитории, и с точки зрения новых форм представления себя. Я хочу сказать, что для коммерческого сектора, для арт-рынка Интернет важен тем, что позволяет искать новые формы продаж и общения с клиентами.

В Нью-Йорке в этом году состоялась первая VIP art fair, устроенная совместно несколькими галеристами. Насколько мне известно, там был ряд технических

проблем, которые не позволили большему числу посетителей и клиентов участвовать в этом мероприятии. Но это все равно важный шаг в направлении расширения аудитории. И, конечно, искусство само ищет пространство для представления себя, потому что искусство без зрителя не живет. Я думаю, что весьма актуальны вопросы глобальные, культурные, вопросы просвещения... Они касаются и тех, кому важна монетизация произведений искусства — потому что мы понимаем, что есть институции, которые на этом зарабатывают. Я думаю, что найдутся способы решения этих задач.

Л. Халлиган:

Благодарю Вас.

Дмитрий! Вы и компания Universal Music, если можно так выразиться, стояли на переднем крае ведущихся в России дебатов о демонетизации. Расскажите нам о проделанной Вами работе, о причинах, побудивших Вас заняться этой проблемой, а также о сопротивлении, с которым Вам пришлось столкнуться — быть может, даже в собственной компании?

Д. Коннов:

Меня зовут Дмитрий Коннов, я генеральный директор компании Universal Music в России и СНГ. Universal Music Group - это крупнейшая в мире музыкальная компания, занимающая около 40% глобального рынка. К сожалению, в Российской Федерации не существует музыкального чарта, основанного на продажах, но если смотреть на исследования доли рынка, мы можем с уверенностью сказать, что являемся лидером и в России. Цифровыми продажами, именно продажами — потому что сегодня большая часть дискуссии посвящена вопросам или теоретическим, или вопросам сохранения культурного наследия и Интернету — мы занимаемся с 2006 года. При этом и оборот компании, и ее чистая прибыль растут. В 2006 году цифровые продажи принесли нам 2%, в прошлом году — 36%, в этом году — 42%, это year-to-date database. Это связано с тем, что в России существуют вполне конкретные

условия, связанные с потреблением музыки. Музыкальный контент, именно контент — это не живые выступления. Речь идет о двух разных бизнесах, хотя для обычного человека они представляют собой одно и то же. Музыкальный контент в России интересует аудиторию в возрасте до 25 лет, в лучшем случае до 30. После 30 лет человек, который интересуется музыкой, вряд ли воспринимается в качестве нормального соседями, знакомыми и семьей... У аудитории до 25 лет в России уже третий год наблюдается 100% диджитализация. Эти люди перестают слушать радио, они давно перестали смотреть телевизор, они получают всю информацию из Интернета. Поэтому для нас Интернет — лучшее место контакта с той аудиторией, которая ищет то, что мы для нее производим.

Основной проблемой в индустрии является пиратство. Когда-то пираты — представители киноиндустрии тоже помнят эти «благородные» времена — продавали музыку на физическом носителе. И поэтому мы конкурировали в цене. Легальный диск мог стоить 200 рублей, а нелегальный — 50. Пираты в Интернете, в российской части Интернета, как вы знаете, изобрели другую модель, которая работает. Сайт «ВКонтакте», штаб-квартира которого находится в Санкт-Петербурге, изобрел модель, при которой реклама приносит огромные доходы. Единственная проблема: современное российское законодательство не позволяет правообладателям защитить свои права. Так как государство, к сожалению, правообладателя игнорирует, мы постарались найти другие способы решения таких проблем. В частности, так называемые freemium, когда определенный высококачественный музыкальный контент доступен пользователю бесплатно (за него чаще всего платит площадка). В дальнейшем, если вы хотите получать этот контент, например, оффлайн, вам приходится выплачивать небольшую мзду.

Могу привести пример другого интернет-портала, это «Яндекс», который буквально 30 мая запустил первое подобное оффлайн-приложение — пока только для Apple. В ближайшие два месяца будет запущена версия для Android. Замечу, что российская реальность специфична, потому что у нас нет

iTunes, у нас нет Spotify. Ни один удачный, успешный западный музыкальный сервис по продаже музыки или музыкального контента в России не работает.

Л. Халлиган:

Давайте продолжим. Мы еще не коснулись множества других вопросов. Относительно защиты личной информации Вам, может быть, известно, что правительство Великобритании в настоящее время разрабатывает закон, который позволит полиции без всякого ордера просматривать имена отправителей и адресатов электронных писем, получаемых гражданами Великобритании. Если сотрудники полиции захотят взглянуть на содержимое писем, им потребуется ордер. Однако многим гражданам Великобритании даже этот шаг представляется чрезмерным. Майк и Игорь, я знаю, что это ваша основная специальность. Майк, если затронуть вопрос конфиденциальности в Интернете, сможем ли мы когда-нибудь изолировать себя от тех, кто захочет сунуть нос в наши почтовые ящики или просмотреть наши поисковые запросы? Сможем ли мы когда-нибудь добиться полной защиты наших компьютеров от хакеров?

М. Яо:

Нет, я остаюсь пессимистом в этом вопросе. Полагаю, что бо́льшая часть дискуссий на тему конфиденциальности в Интернете опирается на те аналогии, которые используются в разговорах о конфиденциальности в реальном мире. Мы заимствуем различные термины (например, «межсетевой экран»), чтобы лучше понимать происходящее в мире Интернета. Однако значительное число этих метафор полезно только с концептуальной точки зрения, в силу их неточности, поскольку в основе хранения данных лежат иные принципы. Для этой цели используются компьютерные технологии. Рассматривая проблему конфиденциальности, очень легко отклониться от темы и перейти к вопросам высоких технологий и к юридическим проблемам. Значительную часть своей научной карьеры я занимался одним из аспектов

этого вопроса, который часто упускают виду в общественной дискуссии на тему конфиденциальности в Интернете, а также при рассмотрении юридической политики и технологических вопросов, влияющих на способы взаимодействия пользователей с информационными системами и определяющих возможные последствия для пользователей. Значительная часть отрицательных реакций и негативных эмоций со стороны пользователей вызвана отнюдь не техническими или юридическими вопросами. Если задать пользователям вопрос о том, беспокоит ли их проблема их собственной конфиденциальности в Интернете, то большинство ответит вам: да, беспокоит. Затем, если спросить их о том, каким образом может быть нарушена конфиденциальность их работы в Интернете, задать вопрос о применяемых технологиях и методах сбора персональных данных, то мало кто сможет вам ответить. Если поинтересоваться у них, знают ли они законы своей страны о защите конфиденциальных данных, то вам ответит еще меньшее число респондентов.

Л. Халлиган:

Это не обязательно их вина. Моя мама не хочет, чтобы в ее дом залезли воры, но что она знает о защите окон от взлома? Мало что, но вряд ли это послужит оправданием для воров, которые решат ограбить ее дом.

Из зала:

Она, вероятно, пишет в статусе на Facebook, что уехала на выходные.

М. Яо:

Точно. Хороший пример. Полагаю, мало кто задумывается об этом. Очень легко сказать: «Не хочу, чтобы люди видели меня в моей собственной гостиной, поэтому я задерну занавеску». Но проблема заключается в том, что это лишь метафора конфиденциальности: когда обычный человек работает в Интернете, ему очень трудно оценить последствия своих действий. К примеру,

многие люди публикуют фотографии на Facebook, и сами по себе эти фотографии безвредны. Но разве стали бы мы обнародовать фотографии наших спален или фотографии тех, с кем мы встречаемся, вывешивая их на лестничной площадке или в общественных местах? Нет, не стали бы. Нам почему-то кажется, что Facebook, веб-сайты социальных сетей или прочие информационные системы обладают свойством конфиденциальности лишь по той причине, что для обмена данными с ними нужно выполнить вход. На самом же деле размещение в них информации является ее обнародованием в силу самого факта отправки контента, даже несмотря на то, что такой обмен данными может происходить в личной обстановке спальни вашего собственного дома. Именно этот когнитивный конфликт и создает множество проблем.

Л. Халлиган:

Прежде чем перейти к Игорю, я хочу задать вопрос Мануэлю. Вы создали интернет-правительство Филиппин, но приходилось ли Вам сталкиваться с неприятием этого проекта со стороны населения? Уверен, что многим понравилась Ваша деятельность, связанная с повышением доступности услуг и информации через Интернет, но не приходилось ли Вам сталкиваться с неприятием со стороны людей, озабоченных чрезмерным стремлением государства влезть в частную жизнь людей?

М. Куэзон:

Думаю, что озабоченность населения вызвана другой мыслью: а вдруг успех этого проекта приведет к тому, что государство пожелает влезать в жизнь людей без спроса. Например, самые большие дебаты в нашей стране вызвал вопрос о введении общегосударственной идентификационной карты и о возможных последствиях. Ведь это напрямую затрагивает проблему конфиденциальности данных, а также и многие другие. Этот вопрос касается всех нас, независимо от сферы нашей деятельности: принадлежим ли мы к

миру искусства, работаем ли в правительстве или в СМИ (чем, кстати, я занимался до того, как вошел в состав правительства).

В этой связи можно выделить три основных вопроса: проверка результатов машинного ввода данных, контроль правильности и целостности данных, а также соблюдение этических норм при работе с данными. Эти вопросы связаны между собой, поскольку при выборе информации, которая подлежит публикации, всегда приходится что-то исключать. Необходимость выбора информации также подводит нас к вопросу о надежности источников, о ее достоверности и полезности. Третий вопрос относится к процессу работы с информацией в целом и влияет на принятие решений. Интерпретация информации со стороны общества всегда поднимает этические проблемы, и тут всплывает все тот же, заданный выше вопрос: как на всем этом заработать? Чтобы ответить на него, важно решить вопрос о легитимности каждого из названных мною шагов.

Л. Халлиган:

Игорь, мы уже обсуждали с другими экспертами преимущества наличия информации в свободном доступе. Если вы ученый или изобретатель, это дает вам возможность ознакомиться с достижениями коллег. Но отсутствие надежной защиты прав интеллектуальной собственности, похоже, загоняет инновации в тупик. Можно ли обеспечить защиту прав интеллектуальной собственности при передаче объектов права через границы государств? Как мне представляется, эта задача во многом занимала ваши мысли в ходе работы над проектом «Сколково».

И. Дроздов:

Конечно, мы думаем об интеллектуальной собственности, когда речь идет об образовании. Никакие инновации невозможны без качественного образования. Мы оцениваем систему образования в России как в определенной степени изолированную от других стран, и хотели бы ее большей интеграции в

международное сообщество. В сотрудничестве с Массачусетским технологическим институтом уже создан Сколковский институт науки и технологии — это первый международный технологический вуз, созданный «с нуля».

Поскольку доступ к информации, доступ к знаниям принципиально важен, мы являемся сторонниками обеспечения возможности дистанционного обучения, возможности доступа к зарубежным публикациям. Это в значительной мере повысит потенциал наших ученых и студентов. Конечно, и здесь есть определенные ограничения в области интеллектуальной собственности. Правообладатели очень трепетно относятся к расширению случаев так называемого *fair use*, хотя, на мой взгляд, даже в США этот перечень сегодня шире, чем в России. Сейчас как раз идет обсуждение изменений законодательства об интеллектуальной собственности, и мы видим, что правообладатели, и те, кто представляет пользователей, занимают диаметрально противоположные позиции. Я думаю, что какой-то компромисс все же будет найден.

Немного о защите персональных данных, о праве на частную жизнь: на мой взгляд, сами пользователи не особенно заботятся о том, чтобы эта тайна была сохранена. В «Сколково» существует целый ряд компаний, которые ориентированы на предоставление пользователю продуктов, исходя из его предпочтений. Чтобы человек приходил за покупками, и ему сразу на мобильном устройстве показывали, какие именно магазины в большом молле могут быть ему интересны. Или готовы посылать ему новости, которые для него актуальны. То есть люди предпочитают определенные продукты, и не очень заботятся о том, чтобы скрывать свои предпочтения. Вы знаете, что многие приложения позволяют людям рассказывать, где они находятся и что делают. Поэтому мне кажется, что вопрос о защите персональных данных требует переосмысления. Я знаю, что в Европе достаточно жесткий подход, американцы более либеральны на этот счет.

Слушая мнения о государственных сервисах, вспомнил свой опыт — я раньше работал в суде. В арбитражных судах существовала и существует практика открытого доступа к судебным актам, где указаны и спорящие стороны, и суть дела, и другие детали. Дискуссии по этому поводу продолжаются. Одни говорят, что плохо для компании, когда все знают, с кем она судится, чем занимается и так далее. Другие считают, что на самом деле это хорошо. Потому что появляется возможность проверить — прежде чем вступить с кем-то в деловые отношения — не является ли потенциальный партнер сутяжником, не ведутся ли против него судебные процессы. В конечном итоге это служит интересам общества в целом. Кстати, это вызывает непонимание у наших европейских коллег.

Представляется, что все эти вопросы еще предстоит обсуждать, возможно, на международном уровне: что именно мы должны понимать под тайной личной жизни, что мы действительно должны охранять, что на самом деле является ценным.

Л. Халлиган:

Мне кажется, что дилемма инноваций и прав интеллектуальной собственности также некоторым образом связана со схожей дилеммой в культурной сфере. Сьюзен, какие сомнения и аргументы вы и ваши коллеги обдумывали и обсуждали, прежде чем принять решение о публикации в Интернете таких драгоценных документов, как свитки Мертвого моря, которые теперь всякий может загрузить на свой компьютер, чтобы сделать плакаты с их изображением? Ведь эти изображения не просто ценны, но поистине святы. Должно быть, их размещению в сети неизбежно предшествовал диалог, несмотря на все очевидные преимущества их свободного распространения. Не включает ли их доступность в себе каких-либо отрицательных аспектов?

С. Хазан:

У нас была непростая дискуссия с другими хранителями, особенно с хранителем свитков Мертвого моря. Мы обсуждали способ публикации свитка Исаяи, который настолько ценен для нашего правительства, что оно издало закон, запрещающий вывоз свитка за пределы государства Израиль. Его ценность слишком велика: его можно без преувеличения назвать драгоценным. Нам пришлось очень осторожно обращаться с этой древнейшей книгой Библии, с манускриптом, который имеет шесть метров в длину и редко экспонируется, но обладает большим значением для евреев и христиан всего мира. Вопросы авторских прав также оказались весьма сложными. С первого взгляда кажется, что слово божье, изреченное пророком Исаяей, является общественным достоянием, и здесь я не усматриваю проблемы. Однако, делая этот текст общественным достоянием, мы также должны опубликовать перевод на английский, в связи с чем обязаны соблюсти права интеллектуальной собственности на перевод и подыскать наиболее подходящий вариант, что связано с большими сложностями как теологического, так и академического характера. Предоставив доступ к переводу в окне с текстом на древнееврейском языке, мы дали пользователям возможность читать английский текст во всплывающем окне. Но какую из английских версий следует использовать? Нужно ли брать лютеранскую Библию, если читатель — немец? Или следует выбрать традиционную немецкую Библию, или же католическую или протестантскую Библию, распространенную в Великобритании? Мы так и не смогли решить вопрос о том, какую версию нужно использовать.

Что касается древнееврейского, то проблема решается довольно просто, поскольку существуют две версии. Наш свиток написан в 700 году до нашей эры, также существуют варианты свитка и канонизированная версия книги Исаяи на древнееврейском языке. Всего насчитывается 2 750 вариантов, поэтому мы привели на веб-сайте две версии исходного текста на древнееврейском и два перевода: традиционный, современный, канонизированный перевод третьего века и другой — очень тщательно

следующий за оригинальным текстом, созданный профессором Флинтом из канадского Тринити-колледжа. Делом всей жизни этого профессора стал дословный перевод с древнееврейского той книги Исаяи, которая имеется в нашем распоряжении, а также вариантов ее текста. Мы разместили оба перевода параллельно. Все перечисленные проблемы очень важны, мы заботимся о соблюдении каждого из законов о конфиденциальности, проявляя уважение к важнейшему археологическому наследию вашей страны. Необходимо внимательно и максимально тактично подходить к их решению при налаживании взаимодействия с обществом.

Л. Халлиган:

Прежде чем передать слово Олафу, я хочу обратиться к исполняющему обязанности министра. Филиппины уже длительное время реализуют интернет-проект World War II in the Pacific (Вторая мировая война на Тихом океане), действуя в условиях настоящего «минного поля», поскольку возникает масса острых вопросов культурного и политического характера, учитывая перемены, произошедшие в мире с тех пор, в том числе смену союзников Филиппин. Реализуется ли этот проект на постоянной основе? Расскажите нам, какие дискуссии идут вокруг него в правительстве.

М. Куэзон:

Да, безусловно, это долговременный проект. Нам приходится представлять официальную точку зрения на историю, поскольку мы являемся государственным учреждением. Мы сталкиваемся со следующей дилеммой: учреждения, которые привыкли говорить в авторитарном тоне, теперь являются равноправными участниками диалога. Нам приходится искать оправдание каждому действию. Этот вопрос затрагивает проблему прозрачности, когда необходимо объяснять принимаемые редактором решения, тщательно отбирать публикуемые фотографии и видеозаписи и точно указывать источники их получения. Это нужно, чтобы открыть диалог с

обществом, чтобы у людей не возникло ощущения, будто их не выслушали, будто им навязали официальную точку зрения. Это очень важно. Вот лишь один из способов обеспечения легитимности. Нам повезло, что мы смогли добиться публичного одобрения со стороны академического сообщества и общества в целом. Для достижения этой цели мы использовали все три подхода, о которых я говорил.

Л. Халлиган:

Спасибо большое. Какой адрес у этого веб-сайта? Я хочу на него взглянуть.

М. Куэзон:

Адрес очень легко запомнить: www.gov.ph. Это официальная газета, там Вы найдете всё.

Л. Халлиган:

Вы можете поискать этот адрес в Google или в «Яндексе». Я хочу посвятить этой теме заключительную часть нашей беседы. Поднимите руки, если вы хотите принять участие в этом разделе нашей дискуссии. Стив, мы с тобой в России-матушке, и мои дети используют «Яндекс», а не Google.

С. Кроссан:

Совершенно верно, и «Яндекс» является прекрасным примером того, как местная организация способна использовать Интернет, чтобы в короткие сроки вырасти в огромную компанию и занять доминирующее положение на местном рынке. Россия не является единственным примером страны, в которой существует локальный конкурент, сосредоточенный на работе с местным языком и специфичной для страны информацией. Неотступно следуя этой стратегии и бросив все силы на ее реализацию, эта компания может занять уверенное положение на рынке. «Яндекс» служит превосходным примером подобной компании, и, сказать по правде, ее деятельность

производит на нас огромное впечатление. Она помогает нам ставить цели, к которым можно стремиться, побуждает активнее конкурировать и служит контраргументом при общении с людьми, которые жалуются на доминирование Google. «Яндекс» — прекрасный пример конкурента, который находится от клиента на расстоянии одного щелчка кнопкой мыши.

В истории Интернета было бесчисленное множество организаций, которые, казалось, смогли обеспечить себе доминирующее положение, но лишь затем, чтобы снова пасть. Например, MySpace в мире социальных сетей или Hotmail среди служб электронной почты. Это, кстати, еще один пример того, каковы могут быть последствия открытости: я имею в виду естественную открытость Интернета и ее влияние на другие аспекты, такие как конфиденциальность или информационная безопасность. Барьеры входа крайне низки, что служит фактором постоянного внедрения инноваций. Среди опасностей чрезмерного регулирования работы Интернета — риск задушить некоторые инновации в пользу современных лидеров рынка. Регулирование Интернета может оказаться благом для Google и злом для какой-либо другой организации, которая могла бы одолеть Google в конкурентной борьбе. Не следует душить конкуренцию, это неправильно.

Л. Халлиган:

Офисы моей компании расположены в Москве и Лондоне. Когда в нашем лондонском офисе ломается копировальный аппарат, наш превосходно образованный секретарь звонит весьма дорогостоящему инженеру, который может не прийти в офис в тот же день или не справиться с починкой аппарата. В нашем московском офисе другой наш секретарь, женщина, разбирает копир на части и чинит его, даже не снимая своих туфель на шпильках. Если неполадка серьезная, она звонит друзьям по мобильному телефону и просит объяснить ей, что и как нужно сделать, чтобы все-таки устранить неисправность. Смею заметить, что жители этой страны отличаются совершенно невероятными техническими навыками, решительностью и

находчивостью. Насколько далеко Россия сможет продвинуться? Насколько велико будет присутствие России во всемирной ИТ-индустрии, когда нам с Вами исполнится по 65 лет, и мы будем играть в гольф, отойдя от дел?

С. Кроссан:

Думаю, что к этому времени Россия станет одним из крупнейших рынков интернет-торговли в Европе, вне всякого сомнения. Взгляните на статистику: на численность населения, скорость роста и коэффициент проникновения Интернета. Этот рынок будет крупнее любого другого в Европе в отношении интернет-торговли. Это даст большие конкурентные преимущества местным производителям, если они захотят играть на европейском или мировом рынках. Вы уже привели несколько примеров, когда люди выросли в окружении высоких технологий и привыкли ими пользоваться, даже не пройдя специального обучения. Они достаточно решительны, чтобы погрузиться в проблему и найти способ ее решения, и таких людей мы видим везде. В этом поколении полно талантливых предпринимателей, живущих во всех странах мира. Это поколение росло, постоянно пользуясь мобильными телефонами и Интернетом, и в нем много талантливых предпринимателей. Именно с помощью этого поколения мы сможем выйти из кризиса, в котором оказались, потому что и в России, и в любой другой стране мира, например, во Франции, где я живу, только эти люди смогут вытащить нас из непростой современной ситуации.

Л. Халлиган:

Олег, Вы работаете в довольно старой отрасли, которая сейчас активно внедряет инновации и адаптируется. Какую роль, на Ваш взгляд, сыграют Россия и россияне в той ИТ-революции, которую нам описал Стив? Согласны ли Вы, что Россия сейчас ставит перед собой недостаточно амбициозные цели, даже если не принимать во внимание численность ее населения? По сравнению с другими странами мира, в ней самая высокая доля граждан с

научными степенями в областях математики, физики, химии и машиностроения.

О. Новиков:

Хотелось бы, чтобы наша страна стала лидером в технологическом прогрессе, в новых открытиях, в получении новых знаний. Советская система образования работала долгие годы и до сих пор позволяет нам оставаться в лидерах по уровню образованности нации. На этом держится все созданное в последние годы. Тот же «Яндекс» — хороший пример того, как в России смогли создать альтернативу и на равных конкурировать с такой компанией, как Google, пусть пока только в своей стране. Надеюсь, что таких примеров будет больше, и согласен с коллегами, которые говорят о необходимости инвестиций в образование. Его надо развивать с помощью и книг, и Интернета, всячески используя растущую доступность знаний. Сможем ли мы правильно распорядиться новыми возможностями, потому что не только в России понимают складывающуюся ситуацию? Все развивающиеся страны активно, не жалея сил, инвестируют в образование. И прежний советский опыт, и сегодняшнее понимание того, что происходит в мире, подсказывают, что без него страна окажется где-то на задворках. Нельзя все время использовать советский потенциал, нужно создавать что-то новое в образовании. Я верю, что это получится.

Л. Халлиган:

Сожалею, что я не попросил других экспертов высказаться. Матс, Вы, вероятно, видите коммерческие возможности более ясно, чем любой из нас. Всем нам известны размеры российского рынка, рост его покупательной способности и прочие факторы. Не могли бы Вы кратко рассказать нам о качестве образования технических специалистов, которых Вы нанимаете в России, а также оценить, как далеко сможет Россия продвинуться в своем

развитии к тому времени, когда Вы уйдете на пенсию и будете жить на своем острове неподалеку от Стокгольма?

М. Гранрид:

Возможно, это глупый пример, но мы присутствуем в 11 странах мира, и я часто получаю SMS-сообщения от своего технического подразделения в связи со сбоями подачи электроэнергии в Хорватии, с проблемами карт предоплаты в Швеции или с ошибками, связанными с потерей данных в Норвегии. Я очень редко получаю такие электронные письма или SMS-сообщения из России. Полностью согласен с тем утверждением, что в России сокрыта громадная мощь, измеряемая не только в лошадиных силах, но и в показателях качества интеллекта. Я также полагаю, что ваша страна ставит перед собой недостаточно амбициозные задачи, и причину этого я вижу в недостатке инноваций и нехватке подлинного понимания всех возможностей, которые открывает обработка данных. Думаю, что революционный переход от передачи голоса к передаче и обработке данных окажет намного большее воздействие на людей, чем принято сейчас думать. От того, что я принимаю непосредственное участие в этой революции, которая происходит прямо сейчас, у меня просто захватывает дух. Я считаю, что Россия медленно, но верно будет становиться одним из лидеров в сфере обработки и передачи данных. Этот процесс займет пять—десять лет, ему будет способствовать реализация различных инициатив наподобие «Сколково» и проведение форумов по инновациям, вроде того, который откроет свои двери в Москве уже через несколько месяцев.

Л. Халлиган:

Спасибо, Матс. Господин в первом ряду хочет добавить небольшой комментарий, а затем мы дадим слово молодому человеку и послушаем заключительное слово наших экспертов.

Из зала:

Есть один очень важный русский опыт, который обязательно нужно вспомнить всем, кто сегодня говорит об Интернете. В 1917 году именно в этом городе произошла Великая Октябрьская Социалистическая Инновация, или революция. Она заключалась в том, что рабочие этого города вышли на улицы и сказали: «Это information superhighway. Все магазины на этой улице теперь принадлежат нам. Я могу пользоваться тем, что есть в этом книжном магазине, в этом ювелирном магазине и так далее». Потом они пошли к крестьянам и научили их, что хлеб принадлежит не им, хлеб принадлежит всем. Дальнейшее известно. Я надеюсь, что намек прозрачен. Октябрьская революция, наверное, была инновацией. И Интернет тоже инновация, мы это понимаем. Но те великие имена, которые вы называете — Google и так далее — они одновременно являются и преступниками, так же, как преступниками являлись коммунисты. Они грабят чужую собственность. К чему это приводит? Выйдите на Невский проспект — и вы увидите здания, которые были разрушены еще в 1917 году. За 95 лет их не удалось восстановить. Если вы хотите, чтобы мир выглядел так же — о'кей, вперед.

Л. Халлиган:

Благодарю господина за историческую справку. Вам нужен микрофон? Вы молодо выглядите: у Вас, наверное, громкий голос.

Из зала:

Я помню то время, когда доступ к искусству и развлечениям был куда более ограниченным. Мне, как кинопродюсеру, индустрия развлечений наиболее близка. В Советском Союзе было очень мало увлекательных книг и фильмов. Когда я их читал или смотрел, в этом был некий элемент открытия; с ними было связано волнение и удивление, и я помню то прекрасное чувство, когда мне удавалось заполучить желанные книги и фильмы. Но теперь они буквально повсюду. Я не хочу, чтобы мои слова кому-то показались

провокацией или выступлением против научно-технического прогресса, но как сохранить ценность искусства и развлечений, если они бесплатны и встречаются нам на каждом шагу? Как решить эту проблему? Мне кажется, что повсеместная распространенность сводит их ценность к нулю.

Л. Халлиган:

По-моему, Вы блестяще обобщили основную дилемму этой встречи, так что примите мои поздравления. Мы уже вышли за пределы отведенного нам времени. Я понимаю, что эту дискуссию можно продолжать еще долго, но у каждого есть свои дела. Сейчас я хочу быстро опросить каждого из экспертов. Они поделятся с нами своими мыслями о масштабах влияния России на мировую ИТ-индустрию в течение следующих 30—50 лет.

И. Дроздов:

Я не могу не вступить в дискуссию по поводу вреда информации и entertainment при их использовании большим количеством людей. Если к вам в дом приходит посторонний человек и там постоянно находится, то это не очень приятно. Был приведен пример 1917 года: полагаю, что собственникам этих домов было не слишком приятно, потому что в доме комфортно жить одному. Когда мы говорим об информации или entertainment (хотя я, прежде всего, говорил о доступе к информации для знания, а не об entertainment), то понимаем: информация сама по себе предназначена для того, чтобы ей пользовалось много людей. Информация от этого не портится, не становится хуже. Так что, мне кажется, сравнение не совсем корректно. Станет ли ценность объектов искусства меньше, если мы сможем через Интернет заходить в музеи и любоваться ими? Конечно, нет. Сегодня говорилось, что в Азии уже работают над тем, чтобы при интернет-просмотрах создавать ощущение, что вы находитесь в залах музея. Пока не очень верится, что такое ощущение можно передать. Однако Интернет способен дать возможности, которые при непосредственном посещении музея отсутствуют. Думаю, это

будут взаимодополняющие вещи. Интернет не вытеснит и не заменит непосредственный контакт с произведениями искусства.

Л. Халлиган:

Теперь каждый участник может кратко высказать свои комментарии. Майк, это ваш первый визит в Россию. Расскажите о своих впечатлениях.

М. Яо:

Это прекрасная страна и прекрасный город, я счастлив, что здесь оказался. Я жил в Китае вплоть до подросткового возраста, поэтому в школе много лет изучал культуру России, которую я весьма ценю и уважаю. Затем я переехал в США и получал мало сведений о России. Мне приятно видеть кое-что из того, что я так ценил и уважал, когда был маленьким. Этот город просто изумителен, но день сейчас длится слишком долго, а ночью надо все-таки спать.

Л. Халлиган:

Олаф, какие мысли возникли у Вас по итогам встречи?

О. ван Виндон:

Думаю, что важнейшей проблемой Интернета является его малый возраст, и подлинный ответ на этот вопрос сможет дать лишь молодое поколение. Интернет — новый инструмент, но мы по-прежнему пользуемся им в рамках старой бизнес-модели, пытаюсь монетизировать предоставляемые товары и услуги. Google раздает информацию бесплатно, но зарабатывает деньги согласно другой бизнес-модели, что служит хорошим примером. Мы должны прекратить попытки монетизации всего и вся. Например, демонстрация художественных работ в виртуальном пространстве не только служит для ознакомления с ними широкой публики, но и помогает ученым проводить

исследования и способствует архивному хранению этих работ. Желаю всем вам удачи в будущих свершениях.

Л. Халлиган:

Господин исполняющий обязанности министра, вам слово.

М. Куэзон:

Мы достигли того момента, когда можем договориться по стоящим перед нами проблемам и текущей работе, но могут произойти изменения, которые полностью перевернут современное положение вещей. Очень скоро мы сможем вводить доменные имена с помощью букв других алфавитов, а не только английского. Несмотря на то, что сейчас мы имеем возможность объединять усилия и перенимать друг у друга передовые методы работы, подобное нововведение в Интернете станет аналогом запретительных тарифов 1920-х годов, которые вводились компаниями нашей страны для защиты себя и своих рынков от конкурентов. Полагаю, эта тема еще не поднималась в ходе дискуссий.

Л. Халлиган:

Олег, поделитесь с нами вашими мыслями по итогам встречи.

О. Новиков:

К сожалению, о ведущей роли России в области искусства говорить не приходится. Такая тенденция отсутствует, как и основания для нее. Потому что для этого нужны две вещи: первая — свобода творца и жизнь в свободной творческой обстановке, вторая — защита его интеллектуальной собственности. Ни того, ни другого в России еще не создано. И если ситуация не изменится, шансов выйти в лидеры у нее нет.

С. Хазан:

Теперь у людей появилась возможность посетить Эрмитаж в рамках проекта Google Art Project. Этот раздел работает уже почти год. Я приехала в Санкт-Петербург и, поверьте мне, намерена посетить Эрмитаж. Ведь совершенно невозможно сравнивать техническое решение, пусть прекрасное, с подлинным музейным экспонатом. Вот что я думаю.

Л. Халлиган:

И это правильно. Мэтс, пожалуйста, продолжайте.

М. Гранрид:

Был задан вопрос о том, верю ли я в Россию. Я думаю, что ответ на него определяется двумя факторами: культурным наследием, совокупностью артефактов и достопримечательностей России, культура которой невероятно глубока и богата, а также интеллектуальным капиталом, который составляют ученые, стремящиеся к научному росту. Полагаю, что оба эти аспекта продолжают свое развитие, и моя отрасль будет буквально купаться в растущем количестве данных. Также потребуются создать соответствующие средства доступа. Убежден, что именно в этом состоят положительные факторы будущего развития.

Л. Халлиган:

Последним слово получает Стив.

С. Кроссан:

Я думаю, что можно дать четкий ответ: «Да». У нас есть все необходимые предпосылки. Существуют ли в стране компании-лидеры, создающие собственную систему, примеру которых могут последовать стартапы? Безусловно, такие компании есть. «Яндекс» провел первичное размещение акций на сумму восемь миллиардов долларов США, которое является крупнейшим среди всех компаний за пределами США и Китая, а также,

например, вдвое превышает стоимость крупнейшей интернет-компании Великобритании. Российские предприниматели активно участвуют в работе интернет-стартапов всего мира, а не только Google; сейчас в Лондоне очень много россиян. Многие крупнейшие интернет-компании мира также основаны россиянами. Наверное, нам следует думать о том, при каких условиях эти люди смогли бы создавать свои компании в России, а не в Лондоне, Нью-Йорке или Калифорнии.

Л. Халлиган:

Дамы и господа, благодарю вас за то, что уделили мне время. Мы на восемь минут превысили регламент нашей встречи, и я хочу искренне поблагодарить наших экспертов за блестящую дискуссию, итоги которой я даже не осмелюсь подвести. Потому что как только я подведу все итоги, развитие высоких технологий перейдет на новый уровень, и наши согласованные мнения вновь начнут расходиться. Я хочу поблагодарить Tele2 и Google за организацию этой встречи, а всех присутствующих за то, что вы пришли на наше заседание. Также хочу выразить благодарность всем устным переводчикам, которым пришлось столкнуться с множеством технических терминов.